

«Сегодня утром дрессировщик Валентин Филатов репетировал во дворе цирка. Медведь по кличке Мальчик на мотоцикле делал круги по гладкому асфальту. В это время открылись ворота и во двор цирка въехала грузовая машина. То ли Мальчик испугался, то ли решил побаловаться, только он вдруг, круто повернув руль, выехал на улицу. Валентин Филатов на втором мотоцикле кинулся за ним вдогонку. Догнал он Мальчика на Трубной площади. Обогнав медведя, Филатов продолжал ехать вперед, все время показывая Мальчику сахар. Медведь, облизываясь, поехал за дрессировщиком. Так и вернулись они обратно в цирк: Филатов, Мальчик, а за ними, тоже на мотоцикле, инспектор ГАИ. Хорошо, что это произошло ранним утром. Движение на улице небольшое, и все обошлось». (Из тетради в клеточку. Май, 1952 год).

Осенью 1951 года мы с Мишей и Таней поехали в Иваново, где собирал свой коллектив дрессировщик Валентин Филатов, с которым я познакомился еще в 1949 году, работая в Хабаровске. Он был симпатичен, молод, но ничего необычного его медведи еще на манеже не показывали.

— Погоди,— говорил он мне в то время,— еще увидишь, какой я отгрохаю номерище.

А через полгода в Москве я увидел Валентина Филатова с его аттракционом «Медвежий цирк». Премьера меня поразила. Медведи у него работали потрясающе. Публика после каждого трюка в восхищении аплодировала. Медведи ездили на велосипедах и мотоциклах, жонглировали, катались на каруселях, пародировали антиподов и акробатов, показывали сценку «Бокс», а в паузах выходил коверный медвежонок Манс.

В Иваново в первый же день Валентин Иванович подошел ко мне и сказал:

— Я рад, что вы приехали. Я еще в Хабаровске, когда увидел вас впервые, хотел сказать — уходите вы от Карандаша, работайте самостоятельно. Но потом подумал: Карандаш обидится, начнутся пересуды. А я интриги ненавижу. Ну их к богу в рай. Я здесь коллектив свой постоянный собираю. Люди подбираются хорошие. Сообща можно отлично работать. Давайте вместе ездить будем.

Филатов собрал в основном молодых артистов. Многие понимали, что, работая с Филатовым, они будут иметь хорошие города, а если возникнут осложнения с тарификацией, костюмами, реквизитом, подготовкой новых номеров, руководитель коллектива поможет.

Так начали мы работать в Иваново. Есть люди, которые, добившись результатов, возносятся. Валентин Иванович и после выпуска аттракциона работал так, будто только начинает. С утра до ночи в цирке, бывало, вызывали и ночью. Вырвется из клетки медведь — случилось и такое, — сразу за Филатовым. Конечно, успех аттракциона изменил психологию артиста. Он стал более сдержанным, точным, спокойным. Если раньше, насколько мне известно, он мог весь выходной, а то и утро рабочего дня провести в веселье, появляясь в цирке чуть ли не за пять минут до своего выхода, и директор цирка, нервничая, встречал его на улице, то теперь, когда стал руководителем коллектива, получил звание заслуженного артиста республики, он этого себе не позволял.

Во время репетиций с манежа нередко раздавался громкий, раскатистый смех Валентина Филатова. Его вообще находили по смеху. Оптимист по натуре, он и людей любил уверенных, энергичных, деловых и чтобы обязательно с юмором. Когда Филатов на кого-нибудь злился, его зеленые глаза становились прозрачными. В такой момент к нему лучше не подходить.

У Филатова особая манера вести разговор. Скажет фразу, а потом пристально посмотрит в глаза собеседника, а сам моргает глазами и молчит. Если же злится, то моргает секунд двадцать своими прозрачными глазами и затем выдает накипевшее.

Помощников Филатов подбирал удивительно точно. У него работали физически сильные ребята. Относились к работе преданно. И, я думаю, не только потому, что любили животных, цирк, но

ЕХАЛИ МЕДВЕДИ НА ВЕЛОСИПЕДЕ...

Юрий НИКУЛИН

И потому, что любили и уважали своего руководителя. Да и сам Валентин Иванович своих помощников любил, по пустякам не придирался, умел быстро забыть перенесенную обиду. Он легко взрывался, но и быстро остывал, относясь потом к человеку так, будто ничего и не произошло.

Если определить характер дрессировщика одним словом, то можно сказать — труженик. Сутки у артиста четко делились на две части — одну маленькую, когда он спал, и другую, когда работал. Он, как и Карандаш, чувствовал себя полновластным хозяином номера. Как и Михаил Николаевич, он с работниками аттракциона проводил пятиминутки (только эти пятиминутки, в отличие от карандашевских, часовых, продолжались ровно пять минут). Точные распоряжения каждому ассистенту, слежащему:

— Люську сегодня не кормить. К трем дня вызвать ветеринара. Чтобы сегодня к вечеру покрасили ринг — краска облупилась. Перед представлением за полчаса всем быть у клеток. Придут из мастерской снимать мерки для медвежьих костюмов.

Я чувствовал, что Валентину Ивановичу нравилось быть руководителем коллектива. Он собирал собрания, председательствовал на заседаниях художественного совета, старался вникать во все мелочи. Во время представления до начала своего аттракциона Валентин Иванович нередко стоял в центральном проходе зрительного зала и, чуть прищурив глаза, наблюдал за ходом программы.

Цирк Филатов знал до мелочей. Работать начал с шести лет. Сначала акробатом, потом эквилибристом. С 1941 года занялся дрессировкой медведей. Я уважал Филатова за его поразительную преданность нашему делу. И хотя он всего

лишь на год старше меня, но за плечами у него колоссальный опыт, а с выпуском «Медвежьего цирка» появился и авторитет. Нашу дружбу укрепила и любовь Филатова к веселью. В часы отдыха он мог с упоением слушать песни, частушки, анекдоты. По вечерам перед выходным днем после представления мы обыкновенно собирались вместе. У Филатовых — за столом. Веселье идет допоздна — анекдоты, шутки, цирковые истории, розыгрыши и тут же разговоры о работе.

Отличительная черта характера Филатова — честность, откровенность. Не нравится ему номер, он подходит к артисту и говорит:

— Работаете ты средне (почти ко всем артистам он обращался на «ты»), финала в номере у тебя нет. А хороший четкий финал — это главное. Ты, друг, давай думай о финале.

Чуть сутуловатый и приземистый в жизни, Филатов на манеже преображался: зачесанные назад волосы, открытый взгляд, стройный, обаятельный, он с упоением демонстрировал умение своих питомцев, как бы сам удивляясь трюкам медведей.

Если дело требовало, Валентин Иванович, не скупясь, легко тратил деньги. За свой счет приобретал медведей, мотоциклы. Когда представлялся случай купить молодняк, Филатов просто вынимал бумажник и рассуждал с местными охотниками. А связи с охотниками у Филатова остались еще от отца, который всю жизнь проработал в зоопарках.

Когда мы гастролировали в Ростове, в цирк приехал отец Валентина Ивановича. И сын постарался устроить для него праздник. Он бережно вел отца под руку по конюшне, где стояли ряды клеток с медведями. Отец, опираясь на палку, двигался медленно, останавливаясь возле каждой клетки, внимательно рассматри-

вая сквозь толстые стекла очков животных, задавая профессиональные вопросы, делая тут же замечания, давая советы.

Иван Лазаревич с удовольствием вспоминал прошлое. Рассказывал интересно, с юмором, не упуская деталей. Особенно мне запомнилась история, которая произошла еще до революции.

В маленьком провинциальном городке «прогорал» цирк, и, чтобы поправить дела, хозяин расклеил по городу афиши: «Только два дня! В цирке показ дикий людоеда. Съедение живого человека на глазах у публики. Спешите покупать билеты!»

Дикий людоед — владелец цирка приказал быть Ивану Лазаревичу. Вечером публика до отказа заполнила цирк. Все жаждало сенсации.

В конце представления на манеж выкатили клетку, в которой сидел Иван Лазаревич. Тело его вымазали детем и сверху обсыпали перьями. Он, брызгая слюной, рычал, скакал по клетке, делал вид, что пытается выломать прутья. Униформисты на вилах просовывали в его клетку убитого голубя (просовывали, конечно, чучело голубя) с мешочком, наполненным клюшкой. Иван Лазаревич рвал голубя зубами, и во все стороны летели перья птицы, а по подбородку «людоеда» стекала «кровь».

Публика смотрела на это зрелище, затаив дыхание. После «съедения» птицы в центр манежа вышел хозяин и, поигрывая золотой цепочкой от часов, громко объявил:

— А теперь предлагаем вашему вниманию съедение живого человека. Желаю, щих быть съеденными прощу в клетку!

В зале все замерло. Конечно, никто не вышел.

— Ввиду отсутствия желающих, — объявил директор, — представление заканчивается. Оркестр — марш!

Обманутая в своих ожиданиях публика покидала цирк. А на другой день во втором, заключительном, спектакле после того как хозяин вызывал желающих быть съеденными, на манеж нетвердой походкой вышел небольшого роста, толстенький, крепко подвыпивший купчик.

— Же-ла-ю! Желаю, пусть ест! — заявил он.

Возбужденная публика загудела. Купчик обратился к хозяину цирка:

— Раздеваться или так есть будет?

Растерянный, побледневший хозяин с трудом выдавил из себя:

— Так будет.

Открыли клетку. Зал замер. Перепуганный людоед-Филатов изо всех сил зарычал и, встав на четвереньки, начал руками и ногами разбрасывать опилки, надеясь, что купчик испугается и передумает быть съеденным. Но пьяного купчика это ничуть не испугало, и он смело пошел вперед.

Не зная, что делать, людоед умоляюще посмотрел на хозяина.

— Кусай, кусай, — тихо сквозь зубы процедил хозяин.

В отчаянии Иван Лазаревич, подпрыгнув, навалился на купца, опрокинул его на опилки и вцепился зубами в ухо.

От боли купчик моментально протрезвел и благим матом заорал.

Орал укушенный. Орала публика. Визжали с перепугу женщины...

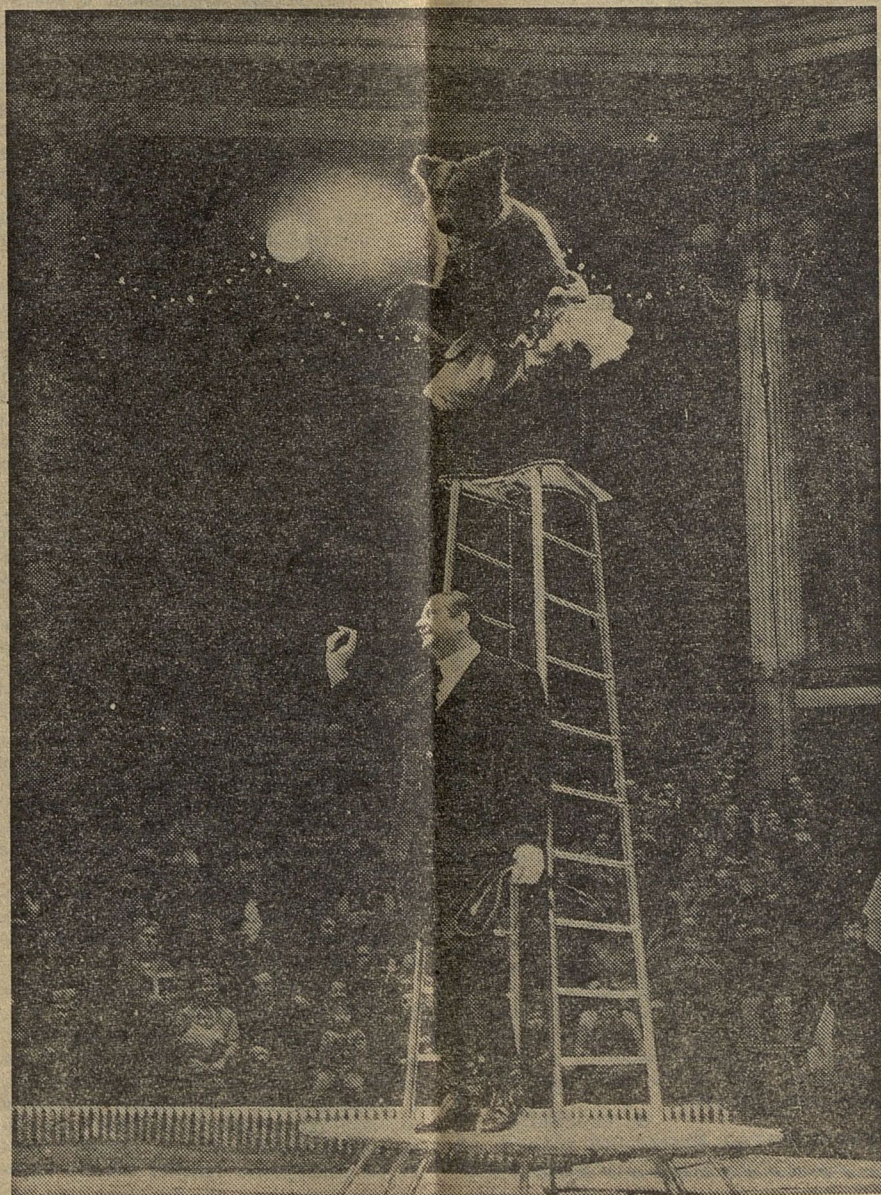
— Не надо! Не надо! — тут же закричали с мест.

Униформа по знаку хозяина бросилась на Ивана Лазаревича и начала его с силой оттащить от купца.

Слушая этот рассказ, мы смеялись до слез. Громче всех хохотал Валентин Филатов, хотя, наверное, слышал историю в сотый раз.

— А что, — вдруг обратился он ко всем, — вот начнет гореть наш коллектив, объявим людоеда. Никулин будет людоедом. Как, Юра, сыграешь? — засмеялся он.

Так и работали мы вместе с Валентином Ивановичем Филатовым. «Медвежий аттракцион» делал сборы, и людоеда нам показывать не пришлось. Медведи на манеже выглядели милыми, забавными и приятными. Бурные медведи мягкие, с виду добродушные, так и хочется их погла-

дять. Но на самом деле в цирке нет зверя коварнее, чем медведь. Работать с тиграми, львами, леопардами легче. Дрессировщик всегда видит, чувствует смену настроения у этих экзотических животных. Бывают моменты, когда они вдруг выходят из повиновения и готовы броситься на своего укротителя. Важно этот момент уловить, почувствовать и мгновенно среагировать. У медведей же уловить смену настроения почти невозможно.

— Понимаешь, — говорил мне Валентин Иванович, — никогда не знаешь, что медведь выкинет. Вот он, Макс, мой коверный, вроде добродушный, а ведь может ни с того ни с сего взять и прихватить тебя. Медведи-то ничего не боятся, ни огня, ни воды.

Силу медведя Филатов однажды испытал на себе. Когда он еще только начинал свой путь в цирке, на одной из репетиций громадный медведь подмял под себя дрессировщика. С травмой позвоночника Валентин Иванович провел долгое время в больнице. И хотя врачи сделали все возможное, травма нет-нет да и давала о себе знать. Иногда у Филатова возникали сильные приступы боли. Так случилось перед премьерой в Запорожье. Накануне он с трудом поднялся с постели, не мог ходить. Дирекция цирка, узнав о болезни артиста, забеспокоилась. Билеты-то проданы за месяц вперед. И все, конечно, хотят увидеть аттракцион Филатова.

И Филатов выступал. Перед началом представления долго уговаривал врачей сделать ему новокаиновую блокаду.

— Это же действует только час-полтора, — сказали ему.

— А мне нужно сорок минут, — невозможная боль, отвечал Филатов.

И на премьере Валентин Филатов легко двигался, заразительно улыбался, шутил с публикой, и только глаза у него из зеленых стали совсем прозрачными. Правда, после выступления Филатов не вышел, как он это делает обычно, на поклон публике. Он, чуть не потеряв сознание, стоял за кулисами, прислонившись к стене. Его тут же подхватили ассистенты, бережно отнесли в машину и отвезли в гостиницу. Так он и работал больше недели, пока не прошел приступ.

В первые же месяцы работы в коллективе мы с Филатовым подружились и перешли на «ты». В некоторых городах, в которых мы показывали «Сценку на лошади», Валентин мне давал свое старое кожаное пальто.

— Ты, Юра, не стесняйся, — говорил он. — Если что нужно, обращайся. Деньги будут нужны, бери, отдашь потом, постепенно. У меня деньги есть.

Валентин становился добрым и нежным, когда из Москвы к нему приезжали маленькие дочери — Люда и Таня. Девочки воспитывались у бабушки, и на каникулы их привозили к отцу. Он с радостью встречал детей, с удовольствием играл с ними. Все вечера дочери проводили в цирке. Девочки подросли. Он привил им любовь к цирку, а потом помог создать свои номера.

Филатов любил цирк, горел на работе и своим отношением к любимому искусству старался заразить всех. Он защищал цирк на самом высоком уровне. Если дело требовало, он добивался приема у самого высокого начальства, умея расположить к себе людей.

Медведей Валентин Филатов чувствовал и понимал удивительно. Помню, по ходу действия клоунского пролога, который мы репетировали, коверный Чайченко должен был пройти через манеж под руку с медведем Максом.

Клоун долго не соглашался подходить к медведю. Боялся.

— Да ты не бойся, — говорил спокойно Валентин Иванович. — Иди себе по манежу и подкармливай Макса сахаром. Дойдешь до середины манежа и скажешь свою фразу: «Ну мы пошли в буфет».

И Филатов сам несколько раз прошел по манежу с Максом под руку. После этого Чайченко с трепетом двинулся рядом с медведем. От волнения клоун быстро скормил весь сахар, а когда подошел к барьеру, то кормить медведя стало нечем. И вдруг Валентин Иванович, сидящий рядом со мной, спокойным голосом сказал:

— Ну сейчас Макс даст ему по шее. И точно. Медведь развернулся, поднял лапу и дал Чайченко такую затрещину, что клоун перелетел через барьер и упал в проходе.

Возник скандал. Чайченко кричал, что Филатов дал Максу знак, поэтому медведь его и ударил. Филатов ничего не мог сказать, он вместе со всеми хохотал до слез.

Филатов удивительно точно подбирал зверей для того или иного номера.

— Медведи — они, как люди, — говорил мне Валентин, — каждый на что-нибудь да способен, только нужно уметь раскрыть эти способности. Вытащить из медведя все его таланты.

Пришел однажды я на репетицию. Филатов усталый сидел на барьере, нервно курил сигарету и прозрачными глазами смотрел на очередного строптивого медведя, который понуро стоял в центре манежа.

— Ну что еще с ним делать? — как бы в пространство бросил вопрос Валентин. Потом он подошел к медведю и начал с ним разговор, как с человеком:

— Ты будешь работать или нет? Если не будешь, то мы тебя к чертовой матери отправим в зоопарк.

Медведь после этих слов вдруг встал на задние лапы, подошел к Филатову и, похлопывая лапой по карману куртки, где у дрессировщика лежал сахар, начал виновато урчать.

Все засмеялись. У Филатова глаза потеплели. Он дал медведю сахар и сказал:

— Все, паразит, понимает! И работать может. Только придуривается. Ладно, — крикнул он ассистентам, — ведите его в клетку, а завтра продолжим репетицию. Я одну штучку придумал.

Не знаю, какую «штучку» придумал Валентин, но через месяц медведь уже работал на манеже, и каждый раз после своего трюка он подходил к Филатову, хлопал его по карману с сахаром и как бы доверительно что-то говорил на ухо.

Хотелось бы мне написать, что король дрессировщиков с любовью и нежностью относится к своим питомцам. Но если бы он относился к своим медведям только с нежностью и любовью, то, я это понимаю, он никогда бы не создал своего замечательного аттракциона. Надо преодолевать сопротивление животного, ломать его волю и во что бы то ни стало заставлять выполнять тот или иной трюк. Животные должны чувствовать, что человек сильнее. Здесь приходится прибегать к наказанию голодом и выработке у медведей чувства болевого рефлекса, страха — будет больно, если не выполнишь задания. Всем этим Валентин Филатов пользовался. Мне бывало на некоторых репетициях больно смотреть на работу Филатова. Больно. Хотя я и понимал: другого выхода у него нет.

В основном в работе Филатов использует молодняк. Когда медведям исполняется десять лет, они обычно слепнут. Это происходит из-за резких перемен света. На конюшне темно, а манеж ярко освещен. И вторая причина, почему медведей приходится менять, — они с годами становятся свирепыми, опасными, не говоря уже о том, что после пяти-шести лет вообще плохо поддаются дрессировке. И Филатов постепенно меняет медведей. Но к некоторым своим мохнатым питомцам он так привыкал, что старался как можно дольше с ними работать. В аттракцион не принимала участие старая громадная медведица Майка. Валентин выводил ее в центр манежа, чуть-чуть подталкивал, после чего Майка, усаживаясь в специальное приспособление, начинала крутить медвежью карусель. Никто из зрителей и не замечал, что медведица слепая. И, конечно, ее могли заменить, но Филатов не в силах был расстаться со своей любимой и специально для нее придумал и отрепетировал «Карусель». Слепая медведица, одетая в матросский костюм, аккуратно подходила к аппарату-карусели, бралась за металлические перекладины, влезала на карусель и крутила педали. Я сам о болезни медведицы узнал случайно. И после этого с особым вниманием следил за ее выступлениями. Все служащие к Майке относились тепло, берегли ее.

Талантливый артист, Филатов имел и моральное, и профессиональное право требовать от всех полной отдачи в работе. Как-то незаметно, без громких фраз и приказов он создал в коллективе хорошую атмосферу. Редко бывает, чтобы артисты, занятые в одной программе, — слишком разные у всех характеры — вместе встречали новый год. В нашем коллективе это стало традицией.

Более трех десятков цирков за пять лет мы объездили вместе с коллективом. Об этом времени я всегда вспоминаю с удовольствием.

Встречаясь на заседаниях художественного совета, различных собраниях или во время поездок, я смотрю на чуть усталого, поседевшего, ставшего народным артистом СССР Валентина Филатова и думаю о том, как много он сделал в цирке. Он первый доказал, что с медведями можно работать интереснее и лучше. И то, что сегодня в цирках страны появились Иван Кудрявцев со знаменитым медведем Гошей, Рустам Касеев с поразительным аттракционом, то, что медведей ввели в свои номера музыкальные эксцентрики, акробаты, в этом есть и заслуга Филатова.

Сейчас мы видимся редко. Обычно он спрашивает меня:

— Ну как жизнь-то идет?

— Нормально. Наверное, так же, как и у тебя, — отвечаю я.

Потом мы долго беседуем, и нередко после внезапно возникшей паузы Филатов мне говорит:

— А все-таки здорово мы тогда работали, и коллектив у нас был хороший...